

кая это дикость? Ведь сразу же понятно, что так ничего не выйдет? Но их не вразумишь, что каждая речь требует своего тона, своего мелодического контура, правильно расставленных пауз, особенно убедительных и эффектных фраз. Не одно и то же, к примеру, объявить жителям, что на площади продают апельсины или что ослица Бланков ночью сбежала из стойла и если кто знает о ее местонахождении, пусть скажет об этом, но не пытается поймать, потому как зверюга, хоть и кажется смирной, очень коварно лягается. Очевидно, что никакому ремеслу за пару суток не обучишься: тут нужны время, терпение, жертвы, постоянство; а сегодняшний народ требует простоты, его не заставишь поломать голову! Как же тут быть порядку? Объясни я Вам, каким потом и кровью мне стоило научиться выступать с речью, Вы бы в ужас пришли и решили, что я Вас надуть хочу; но я работенки не боюсь и во все не напрасно потрудился. Теперь ко мне можно с любой речью прийти: одним глазом взгляну на лист — и довольно. Посмотрю на себя в зеркало (потому как внешний вид имеет значение, а одна незастегнутая пуговица или криво повязанный галстук способны подвести и самый отшлифованный голос), беру рожок и вперед — за работу. И кто угодно может биться об заклад, что если я буду говорить в этот день о свежих сардинках, то их все раскупят, потому что у людей слюнки брызнут, едва они слышат, как я озвучиваю объявление на всех углах. А огласи я распоряжение мэрии о том, что пора прекратить справлять нужду по ночам на дверь полицейского участка, потому что это не только полное отсутствие уважения, но и свинство, и что мы вклеим огромные штрафы нарушителям, будьте уверены: эти работнички полиции так струхнут, что еще неделю, как минимум, можно будет не повторять устрашение.

Прочитав написанное, Вы, наверное, скажете: «Очень хорошо, но что такое мне хочет сказать Жерони?» Так вот: уже долгое время шли разговоры о том, чтобы снести здание мэрии и построить новое; но Вы же понимаете, что это постоянно откладывалось на потом (летом — из-за жары, зимой — из-за холода), а здание тем временем превращалось в развалины. Пока однажды, во время собрания в мэрии, в самый разгар минуты молчания по покойной теще секретаря — веселой краснощекой бабенки, умершей от переизбытка здоровья, — пол в актовом зале не выдержал и парочка членов городского совета не ухнули в нижнее помещение, а именно в Муниципальный суд, где судья как раз готовился огласить решение по делу о воровстве цыплят. К счастью, помимо пары переломов (левая рука советника по вопросам культуры и

ребро одного свидетеля по цыплячьему делу), обошлось без печальных последствий. Напротив, было решено начать ремонтные работы.

Вот это удар, мамочки мои! Сначала потребовалось очистить здание, прежде чем его снести; освободить от мебели и бумаг. Но складывать все это было некуда. Тогда мэр, весьма сообразительный малый, распорядился сделать лоты из материалов и разыграть их среди советников и чиновников, чтобы каждый забрал домой то, что ему выпадет, и хранил это до открытия нового здания мэрии. Мне достались портрет короля, кадастровый архив, восемь фигур кукол-гигантов для праздничных гуляний и один заключенный по имени Валерья, или же Чума Риберская, который на тот момент уже две недели как содержался у нас в каталажке при мэрии и которого мы схватили, когда украденный им только что трактор заглох посреди Церковной площади, прямо перед кафе «У Лягушки».

Элизенда (моя супруга, господин директор) — женщина славная. Хотя временами на нее находит, и она начинает упрямяться; тогда я следую совету своего дядюшки Далмау, который трижды был женат, не считая кое-каких приключений в периоды между браками, и отлично умел выйти сухим из воды; влеплю ей парочку затрещин, но не сильных, просто чтобы вразумить — и все снова идет как по маслу. Так мне и пришлось поступить, когда я явился домой на муниципальном грузовике, забитом моими лотами. Ну и крик поднялся, ну и гам! Куда я собрался с этим хламом, да меня обвели вокруг пальца, да не потерпит она преступника в доме!

Я привел ее в чувство, залепив четыре пощечины, хотя и признаю, господин директор, что отчасти она была права; наш дом — с ореховую скорлупку, и Вы не представляете, как он до потолка оказался набит всем этим мусором. Но никуда не денешься! Каждый должен внести свою лепту в общее дело. Прав я или нет, господин директор?

Кое-как, с грехом пополам, мы впихнули все это в чулан и в комнату для гостей. В первую мы убрали половину кадастрового архива, с буквы «А» по букву «М»; во вторую — остаток архива, кукол-гигантов и Чуму Риберскую. Портрет короля из уважения мы повесили в изголовье кровати, но через неделю вынесли в столовую, потому что Элизенда стеснялась раздеваться перед Его Величеством, а меня стесняло... ну, Вы же понимаете? Разгорячишься, бывает, а делать некоторые вещи в присутствии коронованной особы...

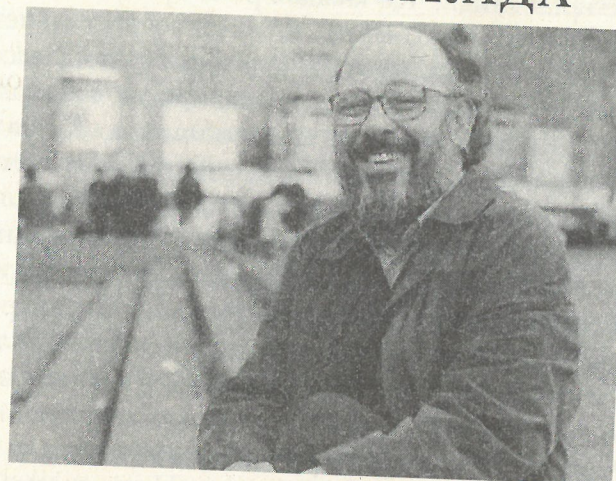
Первые дни мы мучились дурным предчувствием: волновались, как бы Чума Риберская не выкинул чего или не сбе-

дальнейшие поиски ни к чему не привели, а потом сыщики вернулись. Стали проверять кабинки и обнаружили, что дверь одной из них, под номером семь, заперта. Они стучали, кричали, требуя открыть дверь, но ответа не получили. Тогда ее взломали, и полицейские увидели двух мужчин: одного среднего возраста, другой был совсем молод. Они сидели за столом напротив друг друга совершенно неподвижно, глядя один на другого. Между ними лежали деньги, много денег, они были аккуратно разложены стопками. Рядом стояла пустая бутылка из-под абсента, кувшин для воды и стаканы. Перед тем, кто постарше, лежали кости — видимо, он бросал последним. Один из сыщиков выхватил револьвер и, направив на старшего, скомандовал:

— Руки вверх!

Но человек не обратил на него внимания. Сыщики недоуменно переглянулись. Затем они внимательно взгляделись в лица сидящих и поняли, что и тот и другой мертвы.

ЖЕЗУС МУНКАДА

Четыре рассказа

Перевод с каталанского и послесловие МАРИНЫ КЕТЛЕРОВОЙ

Чума Риберская

ГОСПОДИН директор тюрьмы города Льейда! Прежде всего, разрешите представиться. К Вашим услугам, Жерони Сальсас-и-Сантапига; я судебный пристав, занимаю эту должность в нашем городке уже более тридцати лет, и никогда никто — ни свой, ни чужак — не мог бы упрекнуть меня как по части умения держать себя на публике и в неофициальной обстановке, так и в несерьезном отношении к работе, а этим не каждый может похвастать, ведь в наших окрестностях таких судебных приставов порой встретишь, что любого приличного человека стыд берет. Бездари, господин директор, разгильдяи, которые только прикидываются, что работают, а делают все спустя рукава! Даже фуражку не умеют надеть как следует. А коли раскроют рот, то и вовсе прибить захочется! Им все равно, объявлять ли на площади комедию или начало вакцинации против бешенства. Вы понимаете, ка-